

Татьяна Куркина,
Жанна Грачева

СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХРОНИКИ ВОЙНЫ 1812 года

Метафора «прошлое-книга» столь же древняя, как и сама книга. Превратившись из явления авторского, единичного в общеязыковое, отражающее глубинные ментальные процессы познания, она делает ассоциативную игру научным принципом и позволяет в буквальном смысле пролистать страницы. В нашем случае — событийного текста-прошлого — Отечественной войны 1812 года, — ставшей знаковым текстом культуры.

Одна из первых страниц литературной хроники войны между бонапартовской Францией и Россией была написана французской писательницей Жерменой де Сталь. В известной мере ее можно назвать и «первой диссиденткой нового времени», поскольку она открыто выступала против агрессивной политики Наполеона, за что была изгнана за пределы страны. Во время путешествия по России в течение трех месяцев летом 1812 года баронесса де Сталь, словно убегая от императорской армии, уже вступившей на русскую землю, была удивлена тем, что она, француженка, «говорящая на языке врагов, опустошивших страну», не только не подвергается притеснениям, а, напротив, пользуется доброжелательством и гостеприимством «и у знати, и у простого народа» (См. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 21).

Мадам де Сталь не случайно пристально всматривается в особенности национального характера русских, стремясь понять, смогут ли они противостоять армии Наполеона. Среди характерных черт ею выделяются поразительно резкая противоречивость, великодушие и хитрость, страсть и отсутствие выдержки, преобладание смелости над благородством, мечтательность и веселость, подражательность и особая молчаливость (если «предмет [...] живо занимает»), жертвенность и «непостоянство во всем, кроме веры и любви к родине».

Жермена де Сталь видит также способность русской нации к единению, так как даже «рабство в России в своей сущности не похоже на рабство [...] как его понимают на Западе», «отношение господ к народу похоже, скорее, на отношение к челяди у древних, нежели на отношение к крепостным нашего времени» (Там же. С. 30). С ее точки зрения, даже отсутствие «третьего, или среднего сословия, в России» дает нации определенные преимущества перед европейскими странами: оно сокращает дистанцию между людьми высших и низших социальных слоев, что, в свою очередь, также способствует единению в кризисные моменты истории. Так рождается у баронессы де Сталь убежденность, что русские способны противостоять Наполеону, ибо

Мадам Жермена де Сталь.
Худ. В. Боровиковский. 1812

«этот народ отличается неслыханной настойчивостью в борьбе с природой и полчищами врагов, необходимость делает русских терпеливыми и непобедимыми» (Там же. С. 39), поскольку «в народе есть что-то исполинское, обычными мерками его не измерить» (Там же. С. 27).

Особое место занимает в путевых заметках де Сталь рассказ о Москве, куда она прибывает буквально за месяц до исторического пожара 1812 года. Вероятно, ни один русский город в первое десятилетие XIX века не привлекал к себе такого внимания Запада, как Москва. Стоя на соборной колокольне Ивана Великого, де Сталь размышляет не только о прошлом, но и почти пророчески предсказывает судьбу древней русской столицы: «На мгновенье мне пришла в голову мысль, что ведь Наполеон может прийти сюда, очутиться на этой самой башне, с которой я любуюсь городом, может уничтожить ее; мелькнула вдруг и другая мысль, что дерзнет он стать на место царское, как дерзнул завладеть им хан Золотой Орды. <...> Я отогнала свой страх. Спустя месяц этот прекрасный город был обращен в груду пепла. <...> Несчастье, постигшее Москву, возродило страну; этот благочестивый город погиб, как мученик, пролитая кровь которого дает новые силы братьям, его пережившим» (Там же. С. 35).

В Петербурге писательница, встречая Кутузова перед его отъездом в армию, пытается понять, по силам ли ему выпавший жребий избранника: «Это был старец, весьма любезный в обращении; в его лице было много жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран в продолжение пятидесяти лет военной службы. Глядя на него, я боялась, что он не в силах будет бороться с людьми суровыми и молодыми, стремившимися на Россию со всех концов Европы. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в войсках становятся татарами, и мы видели на Суворове, что ни возраст, ни почести не могут ослабить телесную и нравственную энергию. Растроганная, покинула я знаменитого полководца. Не знаю, обнимала ли я победителя или мученика, но я видела, что он понимал величие подвига, возложенного на него. Перед ним стояла задача восстановить добродетели, насажденные христианством, защитить человеческое достоинство и независимость; ему предстояло выхватить все эти блага из когтей одного человека...» (Там же. С. 60).

Сторонний, но не равнодушный взгляд де Сталь позволил ей увидеть главное: Россия

Константин Николаевич Батюшков.

Константин Николаевич Батюшков,
поэт, участник наполеоновских войн.
Гравюра И. Пожалостина с рисунка
О. Кипренского. 1883

готова к великой жертве и великому сопротивлению, поскольку «над умами господствует дух веры и воинственности», который «пovedет русских <...> к прекрасным подвигам» (Там же. С. 31).

В русской литературной хронике первая непосредственная живая реакция на события войны 1812 года дана в письмах офицеров-воинов, среди которых — выдающиеся поэты эпохи. Так, К. Н. Батюшков, трижды проехавший через разоренную Москву, в письмах к Н. И. Гнедичу (октябрь 1812 года, Нижний Новгород) рассказывает о потрясении от увиденного. Письмо содержит не только конкретику реальности, но, что особенно важно, философско-нравственное осмысление истории: «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего я видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел ништу, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя. Нет, я слишком живо чувствую раны, нанесенные любезному нашему отечеству, чтоб минуту быть покойным. Ужасные поступки Вандалов или Французов

в Москве и в ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством. Ах, мой милый, любезный друг, зачем мы не живем в счастливейшие времена! Зачем мы не отжили прежде общей погибели!» (См. К. Н. Батюшков. Избранная проза. М., 1988. С. 335).

Это была не первая военная кампания в жизни К. Батюшкова. Он уже участвовал в двух походах против Наполеона в Европе (1807, 1808–1809) и видел реакцию и немцев, и шведов на вторжение. Она в корне отличалась от поведения русских: в Европе это была война «по правилам». После проигранных сражений жители склоняли головы перед захватчиками: выносили ключи от города, размещали по квартирам французских вояк, то есть принимали сложившееся положение дел, не нарушая привычный уклад жизни. В России сложилась совсем иная картина: русские отказывались отдавать свою национальную свободу, дрались за каждое селение, город и, проигрывая сражение, целыми губерниями, и стар, и млад, сжигали свои усадьбы и избы, уходили вглубь страны. А. Пушкин об этом позже скажет: «Мы не признали наглой воли/ Того, пред кем дрожали вы» («Клеветникам России», 1831).

В письмах суждения К. Батюшкова о действиях французов в России крайне резки, поэта охватывает чувство ярости: «Мщение, мщение, мщение! Варвары! Вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии! И мы до того были ослеплены, что подражали им, как обезьяны! <...> нет народа, нет людей, подобных этим уродам, <...> все их книги достойны костра, а <...> головы гильотины» (Там же. С. 336–337).

Высокая трагичность увиденного находит воплощения в лирике К. Н. Батюшкова. В знаменитом послании «К Дашкову» (1813), которое современники восприняли как реквием на гибель Москвы, поэт отказывается следовать своим традиционным темам, мечтая встать в один ряд с защитниками Отечества:

...пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
три раза не поставлю грудь
Перед врагом сомкнутым строем, —

Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

Не подлежащий призыву К. Батюшков добровольцем вступает в ряды русской армии и принимает участие в освободительной войне в Европе. За сражение под Лейпцигом, где поэт потерял любимого друга и сам едва не попал в плен. Он получает орден Св. Анны 2-й степени. С русскими войсками Батюшков доходит до Парижа и становится свидетелем его капитуляции. При взятии Парижа (см. письмо к Н. И. Гнедичу от 27 марта 1814 года) он испытывает сложные переживания: чувство мщения отступает на второй план, он способен оценить силу сопротивления французов, защищающих подступы к своей столице, и отдать должное их мужеству: « ...французы дрались как львы». К. Батюшков не может не восхищаться Парижем, открывшимся его взору: «С высоты Монтреля я видел Париж, покрытый густым туманом, бесконечный ряд зданий, над которыми господствует Notre-Dame, с высокими башнями. Признаюсь, сердце трепетало от радости! <...> Все высоты заняты артиллерию; еще минута, и Париж засыпан ядрами! Желать ли сего? <...> Французы высыпали офицера с переговорами, и пушки замолчали. Раненые русские офицеры проходили мимо нас и поздравляли с победою. «Слава Богу! Мы увидели Париж со шпагою в руках! Мы отомстили за Москву!» — повторяли солдаты, перевязывая раны свои» (Там же. С. 354).

При виде покоренной столицы Франции поэт испытывает радость, которая вбирает в себя гордость воина, выполнившего свой долг («Чувство, с которым победители въезжали в Париж, неизъяснимо». Там же. С. 355), и восхищение человека высокой культуры, способного понять красоту чужого. Теперь поэт и французов воспринимает иначе, чем во время московского разорения. Описывая парижан, он с удивлением рассказывает об их восторженном отношении к победителям: «Окна, заборы, кровли, деревья, бульвары, все, все покрыто людьми обоих полов. Все машет руками, кивает головой, все в конвульсии, все кричит <...> нет, воет, ревет <...> Vive Alexandre, abasleturan! Ah, guelssontbeau, ces Russes! («Да здравствует Александр, долой тирана!» — «Ах, ах, они хороши, эти русские!» (фр.) Там же. С. 355). К. Н. Батюшков много пишет, о том, как французы были благодарны

русским за «спасение Парижа и целой Франции» от разрушения. Вызывает недоумение у поэта и легкомыслие, с каким французы играют венцами своих правителей: «Русские, спасители наши, дайте нам Бурбонов! Низложите тирана! Что нам в победах? Торговлю, торговлю!» (Там же. С. 357). Слушая это, К. Н. Батюшков восклицает: «О чудесный народ французский, народ, достойный сожаления и смеха!» (Там же. С. 358).

Поэт замечает многоликость и разнородность парижской толпы: в ней «лица ужасные, физиономии страшные», напоминающие «Маратов и Дантонов», мелькают рядом с «прекрасными детьми, прелестнейшими женщинами» и «порядочными людьми». Интересно описывает К. Батюшков личное общение с ликующими французами, которые, обступив его, изумлялись то его простому мундиру, то кольцу на руке, то длине волос, то их белому цвету, тоциальному французскому произношению, то необычной длине степной лошади. Все это свидетельствовало не только об их благодарности и добродушии, но и о полном невежестве в отношении России.

В годы войны в атмосфере общего подъема национального самосознания Батюшкову удается создать героико-патриотические стихи, необычно емкой формы: «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» (1813), «Переход через Рейн» (1814), «Тень друга» (1814) и другие. В них поэт расширяет жанровые рамки элегий, вводя в нее эпические картины, историко-философские медитации и многотемные сюжетные линии. Стихи К. Батюшкова военного периода — это своеобразный походный дневник поэта-офицера, в котором слышны голоса битв, движение войск и ликование победы.

Для К. Батюшкова, который с юных лет был увлечен французской литературой, философией, театром, для которого Париж был столицей мира, война повлекла за собой крушение внутренних основ личности, которые питали его поэзию и определяли жизненную философию. Духовный переворот, пережитый К. Батюшковым во время Отечественной войны, часто определяют как путь от философа-материалиста М. Монтеня к христианскому мыслителю Б. Паскалю. В своих прозаических эссе К. Батюшков пишет, что «земная мудрость», оказывается, заключена не в философии, «лишь вера дает мораль незыблемую». В разрушительности наполеонов-

ского нашествия К. Батюшков усмотрел плоды французского просвещения, а в испытаниях и торжестве России — ее провиденциальную Миссию.

Сиюминутная реакция на происходящее представлена также и в дневниковых заметках другого известного поэта и бывшего воина Ф. Н. Глинки — в «Письмах русского офицера». Автор настаивает на литературной безыскусственности своего труда, но она во многом относительна. Ф. Глинка пишет и как непосредственный участник событий, и как офицер штаба, используя документы архива, и как рассказчик, опираясь на свидетельства очевидцев. При этом он, так же, как Батюшков, ставит перед собой цель — философски обобщить увиденное.

В «Письмах русского офицера» чрезвычайно интересны детальные описания основных этапов Отечественной войны, которую Ф. Глинка одним из первых в литературе называет народной. Так, он рассказывает о защите Смоленска, выносе из города иконы Божьей Матери — впоследствии постоянной спутницы русской армии, сообщает, что «никогда <...> русские не молились с таким усердием»

Федор Николаевич Глинка, писатель, герой Отечественной войны 1812 года.

Литография К. Беггрова
с гравюры А. Афанасьева. 1825

(Ф. Глинка. Письма русского офицера. М., 1990. С. 68). Затем писатель упоминает о прибытии в армию М. И. Кутузова, подробно освещает Бородинское сражение, сокрушается о пожаре Москвы, передает всеобщую радость при известии об оставлении ее Наполеоном, повествует о преследовании французов, об освобождении России и Европы.

«Письма» Ф. Глинки отличает намеренно патетичная стилистика, стремление превратить реалии в символ, мифологизировать их. Показателен эпизод осмотра войск князем Голенищевым-Кутузовым перед генеральным сражением: «... в последний раз, когда светлейший осматривал полки, орел явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову: все войско кричало ура!» (Там же. С. 67).

Наряду с дневниками записями, Ф. Глинка, обращаясь к стилистической и метрической форме народной поэзии, создает цикл текстов для солдатского строевого пения: «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Солдатская песнь, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года, «Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою», «Добрый воин, что с тобой?» и другие. Следует отметить, что в военное время песенный жар становится наиболее востребованным. Появляются исторические песни, созданные и самим народом, в которых находит выражение трагедийная, героическая и смеховая стихия душевного состояния русского солдата: «Заплакала Россия от француза», «Разорена путь-дорожка», «Кутузов и французский майор», «Ой да от чего же армия потревожилась» и другие.

Большой популярностью у современников пользовалась военная проза Дениса Давыдова — русского офицера и поэта, человека-легенды, повлиявшего на целую эпоху, в сознании поколений предстающего в ареоле битв. Судьба Д. Давыдова была во многом предопределенна: еще мальчиком он восхитил Суворова своим бойким утверждением, что тоже будет генералом. История России для него соединилась с историей семьи Давыдовых: место, выбранное для генерального сражения, было родовым именем отца, где прошла юность поэта.

«Дневник партизанских действий» Дениса Давыдова, над которым он работал почти всю жизнь (1814–1838), обрел большую популярность. Сам Д. Давыдов о себе писал: «Я не поэт, я — партизан, казак». В его «Дневни-

Денис Васильевич Давыдов, поэт,
герой Отечественной войны 1812 года.
Литография А. Афанасьева с оригинала
В. Лангера. 1825

ке» — страшные и точные подробности иной стороны Отечественной войны — партизанской. Л. Толстой, анализируя сочинения о войне разных авторов, считал, что «Давыдов первый дал тон правды». Кроме того, его проза — образец ораторского искусства в духе традиций античного красноречия.

Д. Давыдов подробно освещает зарождение и развитие партизанского движения: благословление князя Багратиона и вручение им карты Смоленской губернии для ведения военных действий, недоверчивое на первых порах отношение населения к партизанам, заставившее отряд Д. Давыдова «приноравливаться в обычаях и одежде к народу» (Д. Давыдов надел мужицкий каftан, отпустил бороду, «вместо ордена св. Анны повесил образ святого Николая» и «заговорил языком народным»). С нескрываемой гордостью рапортует Д. Давыдов о воинских успехах партизан, об освобождении пленных русских воинов, о захвате французов, а также их обозов с продовольствием и вооружением. Д. Давыдов считает необходимым рассказать и о единичных случаях предательства: «К славе нашего народа во всей той стране известными изменниками были одни дворовые люди отставного

майора Семена Вишнева и крестьяне Ефим Никифоров и Сергей Мартынов» (Д. Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 года. Л., 1985. С. 70). Д. Давыдов не умолчал и о публичной казни предателей.

В дневниках гармонично соединяется, по словам самого Д. Давыдова, историческое и романтическое. Так, он упоминает о случае плениния поручика Талинга, просившего вернуть кольцо любимой женщины. Поэт находит не только кольцо, но и портрет, прядь волос, письма возлюбленной пленного француза и отсыает их ему со словами: «храбрость и несчастье также уважаемы в России, как и в других землях». (Там же. С. 78). Трогательная история о пятнадцатилетнем барабанщике, спасенном знаменитым партизаном, будет использована Л. Толстым при создании романа «Война и мир», а черты самого знаменитого партизана найдут отражение в образе гусара Василия Денисова.

Д. Давыдову посвящали стихи В. Жуковский, К. Батюшков, А. Пушкин, Е. Баратынский, Н. Языков, В. Кюхельбекер и другие современники. П. Вяземский, давая оценку Д. Давыдову-летописцу, в стихотворении «Эперне» (Денису Васильевичу Давыдову), писал:

Под твой рассказ народной были,
Животрепещущий рассказ,
Из гроба тени выходили,
И блеск их ослеплял наш глаз.
Багратион — Ахилл душою,
Кутузов — мудрый Одиссей,
Сеславин, Кульев — простотою
И доблестью муж древних дней!

Во время Отечественной войны 1812 года вступает в народное ополчение и наш первый романтик — В. А. Жуковский, внесший свой главный вклад в разгром врага первом. В Тарутине, во время короткой передышки в военных действиях, он создает знаменитую оду «Певец во стане русских воинов». В поэтической формуле «певцы — сотрудники вождям» В. А. Жуковский дает свое понимание роли поэта как выразителя чувств и стремлений народа, поднявшегося на защиту родной земли. В основе оды лежит реальная ситуация присутствия поэта в военном лагере. Однако само Бородинское сражение изображается как борьба идеальных категорий добра и зла. Образ «кубка кругового», символ народного соборного самосознания, как указывает М. А. Казьмина, «воплощает связь не только сидящих по кругу воинов, но и связь поколе-

ний, подобно Церкви, объединяющей живых и мертвых. <...> Дух отцов воскресает в сынах. «Воздушными полками» мчатся в высоте над шатрами живущих воинов тени древних «вождей победы» (М. Казьмина. «Теснятся все к тебе во храм...»: к вопросу о религиозно-романтическом миросозерцании Жуковского// Труды IV Всероссийских чтение, посвященных братьям Киреевским. Оптина пустынь и русская культура. Калуга, 2001. С. 171).

Поэт славит великих русских полководцев прошлого: «грозную красоту» Святослава, «погибельную грозу» Донского, победителя Полтавы Петра, «рьяного великана» Суворова, — и воинов настоящего: «отважного сына» Милорадовича, «вихря-атамана» Платова, «вождя и мужа советов» Бенигсона, «ратаника смелого» Остермана, «чести сына» Палена, «пламенного бойца» Давыдова, «добычу любой битвы» Багратиона и других:

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам восторг
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебе, губитель!

Певец предлагает воинам поднять кубок за Отечество, за русского царя, «священный трон» которого он уподобляет алтарю. Кульминацией песни становится гимн Богу:

Подымем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена.

В оде В. А. Жуковского выстроена иерархическая система ценностей русского народного миропонимания, основанного на единстве «почвенного» начала («мы в родине своей»), родового («дух отцов воскрес в сынах») и религиозного («О! будь же русский Бог нам щит!»).

Вскоре В. Жуковский пишет адресованное Кутузову стихотворение «Вождю победителю», а в 1814 году — послание «Императору Александру». Последним восхищался А. Пушкин, говоря: «Так! мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается,

что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы... Прочти послание к Александру Жуковскому... Вот как русский поэт говорит русскому царю» (А. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16 тт. М. — Л., 1947. Т. 13. С. 179).

Наряду с одой В. А. Жуковского «Поэт во стане русских воинов», самыми популярными в годы войны стали патриотические басни И. А. Крылова «Волк на п scarне», «Обоз», «Ворона и Курица», «Щука и Кот», которые в октябре — ноябре 1812 появились в журнале «Сын Отечества». Колossalной распространенности басен во многом способствовали написанные на их сюжеты народные лубки, разошедшиеся по всей России. Так, К. Батюшков сообщает из действующей армии сослуживцу баснописца по библиотеке Н. Гнедичу: «Скажи Крылову, что ... в армии его басни все читают наизусть».

Широкую известность получил и рассказ о том, как после кровопролитного сражения под Красным М. И. Кутузов в письме жены получил переписанную для него рукой И. А. Крылова басню «Волк на п scarне», поводом для написания которой стало поражение Наполеона в Тарутинском сражении и попытка его переговоров с Россией (сюжет этой басни лег в основу пословицы «Поджал хвост, что волк на п scarне», записанной В. Далем). Из уст в уста с улыбкой передавалась история, как фельдмаршал собрал солдат и офицеров и обратился к ним: «Вот послушайте, господа!». Читая басню, он с особой выразительностью выделил слова «Ты сер, а я, приятель, сед», при которых снял фуражку и указал на свои седины. В ответ раздалось громкое «Ура!».

Другая басня, «Обоз», отражает отношения между М. И. Кутузовым и Александром I. И. А. Крылов, оправдывавший неспешную, но продуманную, мудрую тактику М. И. Кутузова, которая должна была привести к полному краху Наполеона, порицает повеления Александра I действовать незамедлительно. Это фактически могло привести русскую армию к поражению. Вкладывая в уста «доброго коня» фразу «А примешься за дело сам, / Так напроказишь хуже», И. А. Крылов указывает на Александра I, по вине которого было проиграно Аустерлицкое сражение. Позиция баснописца совпадает со словами фельдмаршала, сказанными принцу Вюртембергскому: «...обстоятельства <...> делают гораздо более, нежели могло бы сделать наше оружие». М. И. Кутузов не изменил своего плана, не-

Иллюстрация к басне И.А. Крылова
«Волк на п scarне». Лубок неизвестного автора

смотря на приказ царя действовать решительно, и, подобно крыловскому коню, вывез на себе «воз» целым и невредимым.

В конце сентября 1812 года до Петербурга дошли известия о бедственном положении армии Наполеона в Москве. Тогда же в журнале «Сын Отечества» была помещена заметка очевидца о том, что французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон, чтобы варить из них суп. Затем в журнале сообщалось, что теперь можно дать отставку старинной русской пословице: «Попал, как кур во щи», заменив ее другой: «Попал, как ворона во французский суп». К рассказу прилагалась карикатура И. Теребенева «Французский вороний суп»: четыре французских grenadiers в оборванных мундирах изнывают от желания подкрепиться вороньим мясом. Эта история подтолкнула И. А. Крылова к написанию басни «Ворона и Курица», в которой в диалоге двух «простодушных птиц» с притчевой прозрачной мудростью обнажается суть одной из сложных нравственных ситуаций того времени. В речах Вороны выражена не просто ее беспечность: за ее легкомыслием кроется лукавое тайное предположение о возможности существования с врагом.

В басне «Шука и Кот» через иносказание рассказывается о неудаче адмирала П. В. Чичагова, который не должен был допустить переправы войск Наполеона через реку Бerezina. Адмирал сбился с правильного направления и при столкновении с французами потерял часть обоза и свою канцелярию. Об этом аллегорически говорится в строке: «И крысы хвост у ней отъели». Словом, «Шука» взялась не за свое дело. Это определило знаменитую мораль: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник».

Басня, как известно, не принадлежит к жанрам, в которых решаются большие исторические проблемы. Однако басни Крылова — удивительное исключение: поэт по-новому использует семантический потенциал этой малой формы. Он подходит к пониманию подлинно народного характера Отечественной войны, выражает народный взгляд на нее с такой ясной глубиной и мудростью, с какой можно было бы предположить подобную реализацию лишь в большом эпическом повествовании.

В 1812 году А. Пушкин еще подросток, но, находясь в Лицее Царского Села, в летней резиденции семьи русского императора, среди памятников воинской славы, чувствует себя в центре европейской истории: мимо лицейских стен на войну с Наполеоном идут русские полки. Остроту душевной боли, которую переживал в тот момент юный А. Пушкин со своими друзьями, он помнил всю жизнь и впоследствии не раз воссоздавал в поэтических текстах. Последний раз — в стихотворении «Была пора: наш праздник молодой» (1836):

Чему, чему свидетели мы были!
Игралиша таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.
<...>

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Отечественная война, безусловно, сыграла определяющую роль в становлении духовного строя личности пушкинского гения, она сформировала фундаментальные основы его исторического и патриотического сознания.

Не в последнюю очередьвойной и русской победой было воспитано в А. Пушкине решительное стремление содействовать общественному благу. Уже в двадцать неполных лет он ощущает себя «эхом русского народа» («К Н. Я. Плюсковой», 1818) и начинает рассматривать литературу как поле гражданского служения.

В поэзии А. Пушкина отражены разные этапы постижения трагических событий «грозы двенадцатого года» и представлены авторские оценки исторических лиц той эпохи. Наиболее сложным было отношение поэта к Наполеону. В лицейском стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) Бонапарт — это заточенный на острове «губитель», «хищник», который в мрачных думах «новую в мечтах Европе цепь ковал». Через пять лет, когда на острове Святой Елены он умирает, А. Пушкин создает своеобразный наполеоновский цикл: «Наполеон» (1821), «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824), «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» (1824), «К морю» (1824).

В стихотворении «Наполеон» поэт называет своего героя «великим человеком», указывая на масштабность его личности и уникальность судьбы. Теперь А. Пушкин видит в Наполеоне много общего с романтическим героем и, будучи в южной ссылке изгнаником «владыки Севера» (Александра I), находит нечто созвучное собственному мироощущению. С одной стороны — Наполеон — это «дивный ум», «властитель», «баловень побед», с другой — «надменный герой», «тиран», «изгнаник вселенной». Необычная судьба французского императора пленяет автора: его «жребий» он называет «чудесным», «удел» — «чудным». Объясняется это, согласно канонам романтической эстетики, парадоксальным образом: по мнению автора, Наполеон способствовал выявлению провиденциальной миссии русского народа и утверждению непререкаемой ценности свободы («он русскому народу / Высокий жребий указал, / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал»).

Как известно, А. Пушкин развивался стремительно: буквально через три года, перед отъездом в Михайловское, он прощается не только с югом, морскими прибоями и пенистыми волнами, но и с романтизмом в политике и литературе. В центре поэтического текста «К морю» (1824) «два монументальных исторических образа — Наполеона и Байрона — два символа того, что для автора

остается в прошлом» (И. Сурат, С. Бочаров. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М., 2002, С. 42.). С этими двумя кумирами связаны максимализм и радикализм мышления молодого А. Пушкина и его прежние иллюзии.

Завершающим стихотворением наполеоновского цикла (в рамках всей лирики поэта) можно считать «Героя» (1830), в котором порой видели апологию Наполеону, но это далеко не так. Текст построен в форме диалога-спорта между двумя лирическими персонажами Другом и Поэтом о личности Наполеона. Поэт хочет верить, что «пришел сей бранный, / Пред кем смирился цари, / Сей ратник, вольностью венчанный...» был способен не только служить кесарю, но и совершать благородные возвышенные поступки, в частности, посетить и ободрить умирающих солдат в чумном госпитале. В полемике с Другом Поэт свою мечту о герое с человеческим сердцем называет «возвышающим обманом». Таким образом, замысел Пушкина в данном случае соотносится не только с действительными реалиями жизни и личности Наполеона, но и с художественными задачами иного порядка (недаром в стихотворении имя французского императора не упомянуто). А. Пушкин, творчески преображая действительность, желает внушить читателю дорогую для него мысль о необходимости сопряжения политики и нравственности:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

В творчестве Пушкина наполеоновская тема станет составной частью комплекса самоощущений «сильной личности», с сопутствующим ироническим подтекстом. Наиболее отчетливо это будет явлено в облике Германа из «Пиковой дамы» (1833). Созданный поэтом новый тип молодого человека, желающего строить свою судьбу, пренебрегая общепринятой моралью и вдохновляясь личными корыстными интересами, в дальнейшем получит детальную разработку в творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого (разумеется, в соответствии с творческой индивидуальностью каждого писателя).

В последний год жизни поэт публикует в «Современнике» стихотворения, посвященные героям 1812 года — Кутузову и Барклай-де-Толли. В авторском «Объяснении» к

текстам он отождествляет Кутузова со славой России, а в патриотических стихах, обращенных к его надгробию, говорит о нем как об «идоле северных дружин», «страже страны державной», «смирителе всех ее врагов» и последнем «из стаи славных Екатерининских орлов».

В ином свете выступает фигура Барклай. В концептуальном стихотворении «Полководец» (1835) Пушкин создает образ крупной исторической личности «несчастного вождя», чей высокий подвиг и чья жертва встречают поругание толпы. Сюжетная ситуация проста: поэт приходит в военную галерею Зимнего дворца, где размещены портреты «начальников народных наших сил, / Покрытых славою чудесного похода / И вечной памятью двенадцатого года», и более других его привлекает «спокойный и угрюмый» лик Барклай. В его судьбе поэт прочитывает много личного: «в слепой и бурный век» ему также уготован суровый жребий, поскольку «чернь дикая» безрассудно поклоняется суетному и мимолетному успеху, а все истинно высокое и благородное встречает презрительными криками. В авторском «Объяснении» Пушкин выражает сожаление, что даже В. Жуковский в своем «Певце» не упомянул Барклай, потому он желает воздать почести недооцененному герою и тем исправить ошибку истории. Пушкин уверен, что «стоеческое лицо Барклай <...> одно из замечательных в нашей истории» и выражает надежду, что его «высокий лик» «в грядущем поколении / Поэта приведет в восторг и умиление».

(Примечательно, что пушкинским сюжетом «Полководца» — медитацией перед портретами героев 1812 года — воспользуется в начале XX века М. Цветаева. Она по-своему выразит восторг и восхищение перед русскими генералами. Ее привлечет лик А. Тучкова:

Ах, на гравюре полуустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

М. Цветаеву покорит и военная судьба генерала, и его героическая смерть, и необыкновенно трогательная история любви: как вдова нашла тело мужа на Бородинском поле,

предала его земле, построила на месте гибели храм Спаса Нерукотворного, вокруг которого образовался Спасо-Бородинский женский монастырь, где стали выпекать как поминальный бородинский хлеб).

С. Франк отмечал, что Пушкину был абсолютно чужд «сентиментальный космополитизм и государственное безмыслие» (С. Франк. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX века. М., 1990. С. 409), свойственное большей части русской интеллигенции XIX века. Поэта отличало мощное государственное мышление, в основе которого лежала идея «благоденствия России». Эта идея определила и своеобразие его историософской концепции, выраженной в письме 1836 года к П. Чаадаеву: «...у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. <...> А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на порог Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы что-то значительное в теперешнем положении России, что-то такое, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? <...> клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отчество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал». Как видим, русская победа в войне 1812 года для А. Пушкина — одно из величайших событий в истории страны, которое, наряду со многими другими, есть подтверждение значимого и значительного в положении России.

Не только очевидцы увековечили свои размышления о великой войне. Энергия истории породила людей, которые, очарованные прошлым, его победной красотой, на новом временном витке осмысливали эпоху национального катарсиса. Так, Л. Толстой начинает свое грандиозное художественно-историческое повествование о «славной для России эпохе» в шестидесятые годы, то есть тогда, когда «запах и звук» того времени были ещё «слышны и милы» для многих соотечественников (писатель с детства слышал рассказы отца, непосредственного участника войны, награжденного за Лейпцигскую битву, его друзей, родственников, а также няньки, дворовых, странников).

Создавая эпопею «Война и мир», которую современники называли русской Илиадой, Л. Толстой, по собственному признанию, любил в ней «мысль народную». Решительно отвергнув официально-монархическую трактовку войны 1812 года как единоборство двух «великих» императоров — Александра и Наполеона — художник указывал в одном из ранних черновиков романа, что «старался писать историю народа».

С нескрываемым восхищением автор повествует о спокойствии, мужестве и величии, с которым простые солдаты выполняют свой долг, защищая родную землю, дом, семью, могилы предков, свою веру, нацию, свой неповторимый русский мир. Л. Толстой бережно пишет о патриотизме, отмечая «скрытую теплоту» и «молнии скрытого огня», что загорались на лицах воинов, отбивающих на Бородино атаку за атакой. «Дух войска», с точки зрения Толстого, — это нравственный мир армии, что, в свою очередь, есть не что иное, как жизнь совокупной души народа. Этим «духом армии» и «руководит» Кутузов, так как он сам ощущает себя частью народного единства. И это то, что абсолютно недоступно Наполеону, военная стратегия и психология которого строится по принципу шахматной партии. В толстовском понимании Кутузов и Наполеон — это два представителя противоположных этических полюсов, с ними связана в «Войне и мире» одна из главных мыслей художника — о ложном и подлинном человеческом величии.

С толстовским воплощением Наполеона мало кто соглашался, его художественную трактовку многие не приняли. Безусловно, в этом образе есть полемическая заостренность, но писатель нигде не искажает правды, он лишь относится «без религиозного ужаса» к личности французского императора. Изображение «человеческого» в фигуре Наполеона не обособлено от обрисовки его исторического облика. В романе это человек с бытовыми, зачастую нарочито приземленными чертами, видящий свое предназначение в том, чтобы самовластно распоряжаться народами и государствами. Он якобы тоже хочет мира, но не замечает, что его мечты о благе народов уже потонули в море крови. По Л. Толстому, Наполеон берет на себя печальную и несвободную роль «палача народов». Художник убирает всякую патетику в изображении французского императора, категорически отказывается считать его великим человеком, ибо вслед за

А. Пушкиным, проповедует: «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Толстовскому пониманию истинного величия соответствует фигура Кутузова, который никогда «не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком», не выдавал себя за провидца, а стремился почувствовать и понять глубинный смысл происходящего. Кутузов осознавал, что исход дела зависит от поведения множества людей, от воли «каждого участника исторического события, без единого исключения». При этом Кутузов руководит и армией, и боевыми действиями. Совет в Филях — великая и трагическая минута в жизни главнокомандующего. Он глубоко и мучительно выстрадал решение сдать Москву, чтобы спасти русскую армию, народ и Россию. В Кутузове заложена огромная нравственная сила. Это он в едином порыве со своей армией делает всё возможное, чтобы истребить наполеоновское нашествие, и в то же время (опять же в едином порыве со своей армией) умеет пожалеть побеждённых врагов: «Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь и их пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?». В образе Кутузова Л. Толстой утверждает истинное величие, которое есть простота, добро, правда.

Однако, как ни важна была историческая составляющая толстовского повествования, тем не менее доминирующим всегда оставался для писателя нравственный аспект любого большого или малого общественного явления. В романе «Война и мир», начиная повествование «о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией», Л. Толстой сразу выносит безапелляционный приговор войне. «Двенадцатого июня, — читаем в романе, — силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Эта мысль становится главным лейтмотивом в тол-

стовском описании военных сцен. Начало и конец Бородинского сражения художник дает через восприятие «не военного», «мирного» человека Пьера Безухова. Герой переживает страх, который автор оценивает как естественное чувство для всякого существа, столкнувшегося с разрушительной стихией братоубийственной бойни. Война представляется Пьеру нелепым, абсурдным и в высшей степени безнравственным событием, он ужасается человеческому безрассудству.

На страницах толстовского романа постоянно звучит высокая нота христианского идеала всеобщего братства. Перед Бородинским сражением князь Андрей Болконский проповедовал ненависть к врагам, заявлял, что пленных братья не надо, всех расстреливать. Однако после смертельного ранения в госпитале он смог простить личного врага Анатоля Курагина и заплакать слезами радости, изведав неизъяснимую сладость блаженства евангельской заповеди «возлюби врагов своих». Веру в спасительную силу христианской этики Л. Толстой стремится передать в «каждой клеточке» многосложного эпического полотна романа «Война и мир».

Содержанием романа художник нёс своему поколению (и всем последующим вплоть до наших дней) урок общенационального единства, гражданского мужества и любви к своему Отечеству. Читателей всех времен и народов роман Л. Толстого «Война и мир» учит нравственному самостоянию и любви к жизни.

Таким образом, Отечественная война 1812 года — это событие, которое стало безусловным подтверждением пассионарности России как страны, способной выполнить высшую историческую миссию. Такое восприятие России было характерно не только для русского человека, но и для мыслящего европейца первых десятилетий XIX века, что нашло отражение и на страницах исторической и литературной хроники.

